

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Кольцова Ю.Н. Художественный концепт и художественный образ // Язык, культура и межкультурная коммуникация. Межвуз. сб. статей / Под ред. П.К. Гарбовского. М.: МГУ, 2001. С. 73-79.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале : Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.

*Наркиза Абриковна МОРОЗ —
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Тюменской государственной академии
мировой экономики, управления и права
narkiza-moroz@mail.ru*

УДК 81'27(075.8)

**КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ
«МЕРТВЫЕ ДУШИ» (НА ПРИМЕРЕ ТРАНСЛЯЦИИ КОНЦЕПТА
«СМЕХ»)**

**COGNITIVE ASPECT OF TRANSLATION OF THE POEM «DEAD SOULS»
BY N.V. GOGOL (BASED ON THE RENDERING
OF THE CONCEPT «LAUGHTER»)**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сопоставительному лингвокогнитивному исследованию реализации концепта «смех» в поэме великого русского писателя Н.В. Гоголя «Мертвые души» и трех наиболее авторитетных переводах этого произведения на английский язык.

SUMMARY. The present article is devoted to the problems of cognitive aspects of translation. The approach used in the article is the comparative analysis of the concept «laughter» presented in the poem «Dead Souls» by the greatest Russian writer N.V. Gogol and its three English versions made by popular translators.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Когнитивный анализ, концепт «смех», художественный концепт, культурный концепт, комизм Н.В. Гоголя.

KEY WORDS. Cognitive analysis, concept «laughter», art concept, cultural concept, humour and comicality by N.V. Gogol.

В литературе по переводоведению много внимания уделяется своеобразию творчества Н.В. Гоголя, выяснению стилистической ориентации его литературного языка, описанию различных аспектов языковой изобразительности, а также характеристике художественного словоупотребления. По мнению многих исследователей, язык произведений Н.В. Гоголя является серьезной проблемой для переводчиков. В рамках данной статьи остановимся на вопросах реализации

концепта «смех» в произведении Н.В. Гоголя «Мертвые души» и его переводах на английский язык.

Концепт обладает сложной и многогранной структурой. Во-первых, к такому строению принадлежит все то, что причастно к структуре понятия. В то же время непосредственно в структуру концепта включено и то, что делает его фактором культуры, включающим исходную форму, содержательную сторону определенных исторических признаков, оценки и ассоциации современников. Если рассматривать переводческий аспект, будет иметь место восприятие самим переводчиком, в процессе его когнитивной деятельности, особенностей конкретных слов, выражений, предложений, понимание национального и культурного колорита, заключающегося в этих словах и выражениях, его личные оценки и ассоциации.

Вопрос о том, можно ли феномен «смех» концептуализировать, до сих пор обсуждается и является спорным. Ключевой причиной этого является функциональная принадлежность, которая сложно вписывается в обыденное представление о самом концепте. Как отмечает Ю.С. Степанов, исследуя культурный концепт, прежде всего мы предполагаем наличие у него мыслительно-информационной базы, которая с позиции культурологии должна явить собой ключевую ячейку культуры в «ментальном мире» индивида [1].

По нашему мнению, феномен смеха является более объемным понятием, нежели просто рефлексивной категорией, реакцией. В первую очередь отметим, что в смехе заключена определенная совокупность, комплекс нравственных и моральных представлений, которые формировались одновременно с зарождением религиозных и, в частности, православных ценностных ориентаций.

Признавая в категории «смех» концептуальную сущность, считаем, что эта категория является специфичной формой рефлексивного концепта. Подчеркнем, что в самой проекции на текст какого-либо литературного произведения «смех» в большей мере соответствует форме образа-концепта.

Говоря же о гоголевском «смехе», отметим, что в литературных произведениях этого автора данная категория, выступая в качестве культурного концепта, приобретает непосредственное художественное осмысление, преобразуясь тем самым в художественный концепт, в результате чего, на наш взгляд, реализуется обогащение и насыщение и в содержательном аспекте.

Необходимо заметить, что личность Н.В. Гоголя практически все время ассоциировалась со смеховой направленностью его произведений, своеобразием юмора и иронии этого выдающегося писателя. Так, например, В.В. Розанов в попытке установления специфики стиля Гоголя, замечает, что гоголевский смех и юмор в своем особенном художественном бытовании являются одной из величайших загадок отечественного литературного творчества [2].

В.Я. Пропп в своем исследовании «Проблемы комизма и смеха» пишет: «Гоголь предстал перед нами как величайший из всех когда-либо творивших юмористов и сатириков, оставляя далеко позади себя всех других, как русских, так и нерусских мастеров» [3].

Признавая в смехе Гоголя статус концепта, заметим, что это лишь одна из сторон проблемы смешного, которую можно считать концептуальной. Другим аспектом нам представляется технологическая сторона, сочетающая в себе методы, средства и приемы, благодаря которым создается само смеховое повествование.

Отмеченная двусторонняя база смехового бытования в гоголевских произведениях подчеркивает специфичность и индивидуальность данного явления.

Таким образом, можно сделать вывод, что гоголевский смех формируется самим текстом и одновременно формирует этот текст. При этом технологический аспект эксплицирован, так как смех в данном ракурсе нередко воспринимается в первую очередь как инструмент. Это приводит к тому, что в некотором роде отводится на второй план концептуальная сторона вопроса. Исследование же смеха в таком случае сводится лишь к способам и приемам формирования комического. Анализ многочисленных литературных источников по отмеченным аспектам позволяет прийти к выводу, что именно эта сторона становится объектом исследования в подавляющем большинстве трудов, посвященных гоголевскому стилю, а также особенностям его перевода на другие языки.

Полагаем, что изучение лишь технологического аспекта ограничивает восприятие смеха в качестве целостного феномена, особенно в рамках изучения особенностей перевода гоголевской поэмы «Мертвые души» с русского на английский язык. В рамках нашего исследования мы обращаемся как к технологической, так и к концептуальной сторонам смеха.

По мнению А.А. Зализняка, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелева, в виде ключевого признака концептуализации феномена смеха представляется факт наличия разнообразной и достаточно устойчивой вербализации исследуемой категории непосредственно в тексте произведения [4]. При этом В.И. Карасик полагает, что к ключевым средствам и приемам вербализации следует относить «семиотическую плотность», присутствие имени-концепта [5].

Другой характеристикой концепта «смех» является почти обязательная культурная компонента, заключающаяся в некоей «памяти» концепта, за счет которой он находит свою взаимосвязь с культурным и историческим контекстом. Таким образом, он входит в категорию, которую условно можно обозначить, как «коллективное бессознательное социума». Данная «память» может быть отражена в комплексной вербализации непосредственно имени — концепта, однако уже в текстах истинно народного происхождения, фольклора и т.д.

Подчеркнем, что отмеченные критерии характерны для гоголевского концепта «смех», в том числе и для текста его поэмы «Мертвые души».

Нами обосновано, что одной из причин неоднозначного отношения к смеху является его своеобразное глубинно-психологическое восприятие русским человеком. Однако основной причиной столь сложного восприятия смеха явились сами религиозные устои и традиции. В данном отношении соответствующее замечание делает В.Я. Пропп: «область религии и область смеха взаимоисключаются» [3].

Таким образом, ключевыми факторами существенного недоверия русского человека к смеховым проявлениям и своего рода внутреннего самозапрета, явились:

- 1) ассоциирование смеха с грехом, демоническим началом;
- 2) ассоциирование смеха с некоей неуправляемой стихией, зачастую не поддающейся или трудно поддающейся обузданию.

Н.Н. Белозерова в своей работе «Культурные и лингвистические расхождения в филогенезе смеха в России» справедливо замечает, что «смех для русской культуры XVI в. не обладал положительной аксиологией и не признавался поведенческой нормой. <...> Скудность позитивного текстового материала, а также история скоморошества и института юродивых в России, с одной стороны, и богатая насыщенность семантического поля «смех» в русском языке — с другой, ведут к предположению, что филогенез смеха в России характеризовался значительными культурными и лингвистическими расхождениями» [6].

По нашему мнению, отмеченные факторы легли в основу русской концептуализации категории «смех» в качестве неоднозначного явления, в большей степени негативного и олицетворявшегося зачастую с категорией «греха».

Такая неоднозначность по отношению к исследуемой лексеме «смех» представляется одним из главных критериев, характеризующим особенности гоголевского творчества в культурно-историческом плане. Естественно, что юмор писателя выразился со всеми особенностями менталитета русских людей того периода, спецификой и национальным колоритом той исторической эпохи. Естественно, что даже современным русскоязычным читателям не всегда удается понять юмор и комическое в текстах Гоголя. Но еще сложнее и неоднозначней гоголевский «смех» понимается англоязычной аудиторией, в том числе и самими англоязычными переводчиками, делающими попытки перевести гоголевские произведения с русского на английский язык.

Проиллюстрируем вышеотмеченные факты на примере конкретных выдержек из текста гоголевской поэмы «Мертвые души», а также соответствующих переводов этих текстовых фрагментов. Кроме того, сделаем попытку определить особенности и проблемы передачи концепта «смех» исследуемого произведения различными переводчиками.

На протяжении всего произведения «Мертвые души» встречаются фрагменты, характеризующиеся колоритными интонациями. Смех порождается за счет сопоставления облика человека с окружающими его предметами. При этом следует отметить, что комичность рождается только в тех случаях, когда внешний вид в сравнении с предметами вскрывает отрицательные качества персонажа. В ряде случаев у Н.В. Гоголя люди сравниваются с животными. При этом автор подчеркивается их сходство. Уподобление персонажей животным — особенность гоголевского стиля. Именно эта черта придает комичность ситуациям, в которых отражены главные герои.

Рассмотрим следующий отрывок, в котором Н.В. Гоголь передает образ Собакевича:

Н.В. Гоголь	Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался <i>весьма похожим на средней величины медведя</i> . Для довершения сходства <i>фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги</i> . Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке.
Перевод К. Инглиша	When Chichikov stole a sidelong glance at Sobakevich he thought him <i>remarkably like a medium-sized bear</i> . To complete the likeness, <i>the suit he was wearing was exactly bear-coloured</i> , with sleeves and trousers too long for him; <i>he walked with a lumbering, awkward gait and constantly trod on other people's toes</i> . His complexion was a deep, burnished red, the colour of a copper coin.
Перевод Р. Магуайра	When Chichikov glanced at Sobakevich out of the corner of his eye, he was struck on this occasion by his <i>strong resemblance to a medium-size bear</i> . To complete the resemblance, his <i>tailcoat was exactly the colour of a bear's coat</i> , the sleeves were long, the pantaloons were long, and <i>when he walked he let his feet fall here, there and everywhere, and was constantly treading on other people's feet</i> . He had a fiery-red complexion, such as you see on a copper five-kopeck piece.

Перевод Д. Хогарта	A covert glance at Sobakevitch showed our hero that his host exactly <i>resembled a moderate-sized bear</i> . To complete the resemblance, Sobakevitch's long frockcoat and baggy trousers were of <i>the precise colour of a bear's hide</i> , while, <i>when shuffling across the floor, he made a criss-cross motion of the legs, and had, in addition, a constant habit of treading upon his companion's toes</i> . As for his face, it was of the warm, ardent tint of a <i>piatok</i> .
-----------------------	---

В данном отрывке Собакевич ассоциируется у читателя оригинала с медведем и красным пятаком. Вместе с тем красный цвет очень часто передает характерное ощущение стыда и греха.

Говоря о категориях смеха по В.Я. Проппу, можно отметить, что здесь имеют место и прием комизма сходства, и комическое преувеличение, и сравнение с предметом, и сравнение с животным и т.д., что подтверждает положение о многообразии видов комического и их повторении между собой. В связи с этим полагаем более точным говорить в этих случаях не о видах, а о характеристиках смеха, так как очевидно, что любой объект может обладать множеством самых разнообразных характеристик и критериев.

Анализируя перевод данного фрагмента разными авторами, можно отметить, что К. Инглиш в существенной степени упрощает картину описываемого персонажа, используя нейтральную лексику. В этом смысле контрастирует перевод Д. Хогарта: автор воспроизводит оригинал с меньшими потерями, он сумел расшифровать оригинальный подтекст и предтекст, что способствовало удачному, на наш взгляд, подбору вокабуляра («*moderate-sized bear*» и «*a criss-cross motion of the legs*» и т.д.). Перевод же Р. Магуайра можно отнести к английской традиции сатирического писания: очень длинные и подробные объяснения и буквальные трактовки («*when he walked he let his feet fall here, there and everywhere...*»). В данном случае прежде всего возникает проблема избыточности речи при описании ситуации. Подобная трансляция негативно сказывается на восприятии мысли, заложенной Н.В. Гоголем: эмоциональная окраска переводного текста утрачена, а следовательно, его воздействие на читателя ослаблено.

Помимо сравнения персонажей с предметами Н.В. Гоголь дает свою характеристику окружающего мира, сравнивая предметы между собой. В нижеприведенном отрывке автор показывает читателю убогость внутренней обстановки, также обращаясь к сатире.

Н.В. Гоголь	В этой <i>конурке</i> он приладил к стене <i>узенькую трехногую кровать</i> , накрыв ее небольшим подобием <i>тюфяка, убитым и плоским, как блин</i> , и, может быть, так же <i>замаслившимся, как блин</i> , который удалось ему <i>вытребовать у хозяина гостиницы</i> .
Перевод К. Инглиша	In this <i>cubby-hole</i> he propped a <i>narrow three-legged bed</i> up against the wall, covering it with a <i>wretched little pelisse</i> , that was <i>flat as a pancake</i> , and perhaps as <i>greasy as the pancake</i> he had wheedled from the inn-keeper.
Перевод Р. Магуайра	In this <i>tiny kennel</i> he set up a <i>narrow little three-legged bed</i> against the wall, and covered it with a <i>small semblance of a mattress</i> , which had been beaten <i>flat as a pancake</i> and was perhaps just as <i>greasy as the pancake</i> he had managed to wheedle out of the innkeeper.
Перевод Д. Хогарта	Pressing the <i>narrow bedstead</i> back against the wall, he covered it with the <i>tiny remnant of mattress</i> —a remnant as <i>thin and flat (perhaps also as greasy) as a pancake</i> —which he had managed to beg of the landlord of the establishment.

Комичность проявляется через вскрытие недостатков внешнего мира, присущих всей ситуации, показанной в произведении Н.В. Гоголя. Данный фрагмент через языковые средства комизма отражает черты, свойственные эпохе. Через лексемы *конурка*, *трехногая кровать*, *убитый замаслившийся тюфяк*, которые принадлежат семантическому полю «убогость», автор показывает неустроенность быта. Сопоставительный анализ переводов обнаруживает следующее: так, «конурка» в переводе К. Инглиша предстает как «*subby-hole*», что в наибольшей степени соответствует стилистике самого Н.В. Гоголя, указывая на отрицательную коннотацию, подчеркивающую бедность и способность человека существовать в таких условиях. Этот контекст лишен своей значимости в переводе Р. Магуайра, устами которого сатирическая «конурка» превратилась дословно в «келью», несущую в себе совершенно иной информационный посыл, способствующий построению философско-познавательного, нежели сатирического образа. Ассоциация с блином — одна из языковых реалий, призванная подчеркнуть национальную специфику и колорит, присущий русской душе. Проводя аналогии, «блин» для англоговорящего читателя не станет тем архетипом, который ассоциировался бы с «замасленностью», отчего данный концепт «смех» утрачивает свое влияние на построение образа. В этом плане ни одному из трех переводчиков в полной мере не удалось отобразить «комическое на фоне трагического» — излюбленный прием Н.В. Гоголя.

Кроме того, комизм проявляется не в самом человеке или окружающем его предмете, сколько в духовных недостатках персонажей. Чувство комического усиливается, когда предмет похож не просто на человека, а на определенного персонажа. В этом случае его сущность, а зачастую и национальный колорит русских людей выражается через сравнение с предметом.

Особый интерес представляют ситуации, в которых отражаются свойства человека. Комичность создается за счет преувеличения свойств персонажа. Описывая внешний вид помещиков — Собакевича, Манилова, Ноздрева, Плюшкина — писатель реконструирует через колоритные зрительные образы определенные социально-психологические типы людей, свойственные данному историческому промежутку времени.

Ирония, выступая в качестве средства невозмутимой и холодной критики, подчеркивает особенности героев. Для этого Н.В. Гоголь использует слова и выражения с различающимися значениями, метафоры, основанные на ироническом сравнении образов с животными и растениями, образное сравнение и сопоставление, иронию, основанную на связывании слов с противоречащими значениями, комические каламбуры, синонимию слов с противоположными значениями и т.д. [7]. Осознанно конструируя образ исторической эпохи, писатель смеется над недостатками героев вместе с читателями:

Н. В. Гоголь	Здесь Ноздрев <i>захохотал</i> тем звонким <i>смехом</i> , каким заливается только свежий, здоровый человек, ... — Что ж тут <i>смешного</i> ? — сказал Чичиков, отчасти недовольный таким <i>смехом</i> . Но Ноздрев продолжал <i>хохотать во все горло</i> , приговаривая: — Ой, пощади, право, <i>тресну со смеху!</i>
Перевод К. Инглиша	Here Nozdryov <i>burst into peals of ringing laughter</i> that can come only from a healthy man, ... «But what is so <i>funny</i> ?» asked Chichikov, somewhat discomposed by this <i>hilarity</i> . But Nozdryov continued <i>to hoot with laughter</i> , repeating: «Have mercy on me, <i>you're killing me!</i> »

Перевод Р. Магуайра	Here Nozdryov <i>burst into the kind of ringing laughter</i> to which only a vital, healthy man can give vent, ... 'What's so, <i>funny</i> about it?' said Chichikov, rather displeased by such <i>laughter</i> . But Nozdryov <i>went on roaring away lustily</i> , just managing to say: 'Oh, spare me! Really, <i>I'm going to split my sides laughing!</i> '
Перевод Д. Хогарта	Instantly Nozdrev <i>burst into a laugh</i> ... «What is there <i>to laugh at?</i> » asked Chichikov, a trifle nettled; but Nozdrev <i>laughed more unrestrainedly</i> than ever, ejaculating: «Oh, spare us all! The thing is so amusing that <i>I shall die of it!</i> »

Отметим часто встречаемый в поэме Н.В. Гоголя скрытый алогизм, проявляющийся в том, что его герои произносят, на первый взгляд, несуразные вещи, которые и вызывают смех. В дальнейшем происходит разоблачение алогизма с помощью реплик, показывающих несостоятельность высказываний и суждений героя произведения. В алогизмах чувство смеха возникает за счет использования Н.В. Гоголем языковых реалий. В предыдущем фрагменте выражение «Ой, пощади, право, тресну со смеху», используемое писателем, позволяет высмеивать определенную сторону человеческой жизни.

При переводе данного отрывка переводчики по-разному передают чувство смеха. Наиболее красочный образ смеющегося Ноздрева, на наш взгляд, получился у Р. Магуайра. Именно этому переводчику удалось передать заразительный смех Ноздрева, и только в его интерпретации напрашивается метафоричная аналогия «ржет как конь»: «Oh, spare me! Really, I'm going to split my sides laughing!». Более того, примечателен красочно выстроенный контраст Ноздрева и Чичикова, недоумение и «холод» которого лишь подчеркивают комизм ситуации.

Подводя итоги, можно говорить о том, что различными исследователями выделяется большое разнообразие форм, типов и видов концепта «смех». Имеющиеся классификации имеют как свои достоинства, так и недостатки. По нашему мнению, ключевым недостатком имеющихся концепций является их некий абстракционизм и отвлеченность. Отметим, что достаточно подробная классификация видов смеха представлена в труде В.Я. Проппа, который разграничивает смех на отдельные типы, виды и подвиды. Однако, по нашему мнению, приведенная им классификация, несмотря на полноту, недостаточно точна, так как в качестве «отдельных ее категорий» представлены, в числе прочих элементов, неоднозначные (как по смысловому содержанию, так по ширине охвата и назначению) смысловые конструкции, которые нередко пересекаются и перекликаются между собой.

Анализируя категорию комического в гоголевском произведении «Мертвые души», мы пришли к выводу, что в большинстве «смеховых» фрагментов поэмы содержатся элементы различных видов смеха по классификации В. Я. Проппа. В связи с чем нами обосновано, что в данных случаях более точным представляется говорить не о видах, а о характеристиках смеха, так как очевидно, что любой объект может обладать множеством самых разнообразных характеристик и критериев.

При изучении особенностей трансляции гоголевского концепта «смех» различными англоязычными переводчиками мы пришли к заключению, что в большинстве случаев все они в существенной степени упрощают сатирическую картину описываемого литературного сюжета и конкретных персонажей, что в свою очередь приводит к существенным искажениям авторской концепции образа и замысла произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 87-89.
2. Розанов В.В. Загадки Гоголя. Гений формы. Магическая страница у Гоголя / Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. С. 34-37.
3. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 2007. С. 7-18.
4. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 56-58.
5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 4.
6. Белозерова Н.Н. Культурные и лингвистические расхождения в филогенезе смеха в России // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 209-217.
7. Проблемы теории литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 316.

Владислав Юрьевич СИНЦОВ —
 доцент кафедры английской филологии
 Нижегородского государственного
 лингвистического университета
 им. Н. А. Добролюбова (г. Нижний Новгород),
 кандидат филологических наук
 sintsov@lunn.ru

УДК 802.0-3

**ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ КОНЦЕПТ
 «ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ (ЕЕ СУДЬБА)», В РОМАНЕ
 Д. БАРНСА «ИСТОРИЯ МИРА В ДЕСЯТИ С ПОЛОВИНОЙ ГЛАВАХ»**

**FIGURATIVE MEANS WHICH REPRESENT THE CONCEPT «HUMAN
 CIVILIZATION (ITS FATE)» IN J. BARNES' NOVEL «A HISTORY
 OF THE WORLD IN TEN AND A HALF CHAPTERS»**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу образных средств, репрезентирующих концепт «человеческая цивилизация (ее судьба)», в романе Д. Барнса «История мира в десяти с половиной главах». Наиболее продуктивным образным средством репрезентации указанного концепта является метафора. Интенсификация иллокутивной силы образных номинаций достигается за счет использования аргументации и других факторов.

SUMMARY. The article deals with the analysis of the figurative means representing the concept «human civilization (its fate)» in J. Barnes' novel «A History of the World in Ten and a Half Chapters». Metaphor is the most productive figurative means representing the concept. The intensification of the illocutive force of the nominations is achieved by argumentation and other factors.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Д. Барнс «История мира в десяти с половиной главах», человеческая цивилизация, метафора.

KEY WORDS. J. Barnes' novel «A History of the World in Ten and a Half Chapters», human civilization, metaphor.

Объектом анализа в работе являются образные средства, эксплицированные метафорой, образным сравнением и квазитождеством, которые наиболее рельефно репрезентируют концепт «человеческая цивилизация (ее судьба)» в романе